

АНДРЕЙ ПЕЛИПЕНКО

Интернет как феномен эволюции культуры

От логоцентризма — к неосинкретизму

Вовлечённость в интернет, особенно с детского возраста, меняет не только психологию, но и саму психику человека, его ментальный тип.

Андрей Анатольевич Пелипенко, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии

Хотелось бы заострить внимание на осмыслении самого феномена интернета в контексте эволюции человеческого сознания и культуры. При этом следует отметить, что культура здесь понимается предельно широко — как вся совокупность внебиологической активности человека. Одновременно культура понимается и как саморазвивающаяся система. Такой подход представляется необходимым, поскольку его познавательные результаты могут послужить теоретической основой для широкого спектра прикладных исследований. Прежде всего, следует осознать, что интернет является феноменом не функциональным, а системным. Этим он отличается от многочисленных изобретений технологической эпохи, нацеленных на удовлетворение конкретных потребностей и потому узкофункциональных. В отличие от большинства технологических инноваций, интернет как системный феномен рождается прежде своих частных функций. Они появляются и умножаются по мере развития системы. Поэтому интернет как целостное явление не может быть сведён к какому-либо его прикладным функциям или их совокупности. Системная самодостаточность и отсутствие жёсткой связанности с функциональными специализациями придаёт интернету возможность саморазвития. А это, в свою очередь, позволяет рассматривать его как самостоятельную подсистему культуры. Возрастающее значение этой культурной подсистемы наблюдается не только в изменении информационно-коммуникативной среды, развитии виртуального пространства и т. п. Вовле-

чённость в интернет, особенно с детского возраста, меняет не только психологию, но и саму психику человека, его ментальный тип.

С этим связан *первый из предлагаемых тезисов*. Заключается он в том, что интернет — один из ключевых факторов культурно-антропологической эволюции в современности. Развитие интернета отражает глубинные тектонические процессы ментальной и исторической эволюции, содержание которых раскрывается лишь с большой временной дистанции. На этом хотелось бы остановиться подробнее.

Психика животного постоянно погружена в особую полевую среду, которую можно назвать универсальной психоэнергетической связью. В этой среде животная психика ориентируется с помощью навигационной системы инстинктов, которые жёстко отсекают все дисфункциональные каналы восприятия. В силу ряда эволюционных факторов, о которых сейчас нет возможности говорить, психика гоминидных предков человека стала из этой всеобщей связи выпадать. Из незначительных, но травматичных сбоев в спонтанной погружённости в универсальную психическую связь развилось то, что в ходе эволюции оформилось в систему сознания с его линейно-дискретными, главным образом левополушарными когнитивными техниками. Выпадение шаг за шагом из универсальной связи неизменно переживалось как тяжёлая экзистенциальная травма, как мучительная необходимость пребывания в пространстве культуры с его дискретными смыслами, постоянным отчуждением от прямого и культурно

Когда политологию называют наукой, в этом есть некоторая натяжка, какая-то внутренняя неуверенность и желание обставить это утверждение некоторыми оговорками. В одном из своих последних интервью Ф. Бродель сказал, что факт — «пена на гребне истории». Есть что-то уцербное в области знания, которое барахтается в пене фактов, принципиально не желая или не будучи способно «нырнуть» поглубже. Тут возникает ключевой вопрос: способна ли политология только следовать за краткосрочными конъюнктурами, так сказать, в «горизонтальном» измерении, или всё же ей доступны также и прорывы вглубь? Надеюсь, политологи на меня не обидятся, если я скажу, что большинству из них движение мысли вглубь неинтересно и не нужно. Но одни факты ещё не делают науку, последняя невозможна без движения вглубь, аналитическая мысль поднимается от самих фактов к связям и отношениям более высокого и сложного порядка. Своей методологии такого анализа политология не имеет. Её выработка — специальная и сложная задача. В ближайшее время она вряд ли будет решена. Но можно обратиться к опыту других наук. Мне представляется, что наиболее продуктивным стал бы союз с культурологией.

Культурологию с её предметным полем и методом продолжают понимать очень по-разному. Поэтому поясню свое понимание.

В ответ на каверзный вопрос о предмете культурологического знания готов предложить простейшую формулу: культурология — это комплексная синтетическая наука, изучающая системные связи между разными сферами действительности в их отношении к человеку. Уровень связей частных подсистем в локальном историческом времени и прослеживаемых на эмпирическом материале — это эмпирическая (или предметная) культурология. Уровень глубинных и глобальных связей между макросистемами в долгом историческом времени, описываемый языком категориальных обобщений, — культурология теоретическая. Разумеется, эти два дискурса могут разнообразно сочетаться. Те из моих коллег-культурологов, которых это определение не устраивает, имеют право защищаться от нападков так, как считают нужным.

По моему мнению, именно культурологический дискурс, будучи «привит» политологическому знанию, может обогатить его неожиданными ракурсами и смысловыми позициями. Культурология, которая наводит мосты между разными областями знания, способна смоделировать настолько полный срез общественной жизни во всех измерениях, что полученный исследовательский фокус органично «накладывается» и на картину политической реальности. Поэтому можно говорить не только о культурологических коррективах к политологическому знанию, но и к локальному синтезу политологического и культурологического дискурсов в рамках решения конкретных исследовательских задач.

Если опыт такого синтеза состоится на страницах журнала, опыт этот будет, несомненно, полезен и перспективен.

А. А. Пелипенко

не опосредованного переживания реальности. Преодоление этого отчуждения и есть, по сути, отправной пункт развития культуры. Развитие левополушарных когнитивных техник делало проблему прогрессирующего выпадения из универсальной связи все более острой и травматичной. И хотя в древности связь эта за счёт доминирования правополушарных перцептивных паттернов оставалась ещё очень сильной, идея возвращения в непротиворечивое состояние связанности с миром всё более овладевала сознанием и выражалась всё более ясно. Однако в культуре никому никогда ничего возродить не удавалось. Любая устремлённость к «возвращению» может в лучшем случае породить типологический аналог желаемого на новом витке развития. Это мы и наблюдаем. Не надо быть искушённым антропологом, чтобы понять, что личная страничка в Сети есть не что иное, как своеобразный магический двойник (душа, *alter ego*) современного стихийного неоархаика в запретном/виртуальном мире, границы которого столь же проницаемы, сколь

проницаемы для архаика границы, отделяющие его от мира духов.

В каком-то смысле всю человеческую историю можно представить как

путь, ведущий к усилению разрыва естественной психоэнергетической связи и к пошаговой выработке её искусственного суррогата. И это **второй из важнейших тезисов**. Эпохой максимального удаления от естества можно считать эпоху логоцентризма, пришедшую на смену Древнему миру в осевое время (по К. Ясперсу). Употребление понятия «логоцентризм» требует пояснения.

Логоцентризм — нечто большее, чем объект постмодернистской критики или даже одна из многих культурных

парадигм. Это форма культурного бытия, где вербальный код выступает системообразующим по отношению ко всем остальным языкам культуры. Становление логоцентризма обусловлено решительным отрывом культуры от своих природных оснований и замыканием её на себя, а также с полаганием сакрализованного Слова как источника реальности. Логоцентризм, таким образом, знаменует рождение культурного синтеза, который пришёл на смену древнему синкретическому состоянию ментальности и культуры. Современный человек — продукт логоцентрической культурной системы. Когда мы взыскуем истины и не желаем мириться с её недостижимостью — это не извечное свойство человеческого духа. Это — логоцентризм. Когда мы соотносим все наши ценности с неким запретным Абсолютом (даже утратившим свою традиционную религиозную атрибутику) — это логоцентризм. Любого рода упорядочивающие принципы и системы нормативности — от моральных установлений до социальных статусов — хотя имеют более древние ос-

нования, верифицируются логоцентрически. Все дискурсы книжно-письменной культуры — тоже логоцентризм, а не что-то, универсально присущее человеку. Когда мы ищем ответ на какой-то вопрос, мы ищем прежде всего словесную формулу, соответствующую законам, правилам, представлениям о порядке вещей, которыми логоцентризм подменяет прямое переживание самих вещей. При этом срабатывает выработанная ещё греками и бессознательно усвоенная логоцентрическая установка: закон бытия, мышления и языка — это один и тот же закон. Кризис всех совре-

менных дискурсов и культурной системы в целом — следствие неадекватности этой установки. Это понимали великие философы прошлого века Гуссерль и Хайдеггер. Но призыв: «назад, к вещам!» не мог быть исполнен на философской основе. Для этого требуется глубинная перестройка ментального фундамента. И это происходит на наших глазах.

Жизненный цикл логоцентрического этапа истории отмечается следующими вехами: отделением мифа от ритуала, возникновением письменности, утверждением логоцентризма в монотеистических религиях, изобретением книгопечатания и, наконец, информационной революцией современности. Апофеозом логоцентризма для европейского культурного ареала стало Новое время с его рационализмом, сциентизмом, механицизмом и другими атрибутами мышления просвещенного европейца. Черода культурно-цивилизационных кризисов в XIX и особенно в XX в. вплотную поставила вопрос о завершении логоцентрического этапа истории и глобального

поворота к неосинкретизму. Это — *третий из важнейших тезисов*.

На завершение логоцентрического этапа истории указывает не только смерть логоцентрических дискурсов — философской и религиозной метафизики, традиционных видов искусств, литературы и кинематографа, но и, прежде всего, формирование нового типа ментальности, которое представляется уместным назвать новой естественностью. Этот тип ментальности, или, точнее, новый антропологический тип, — субъект экранной революции. Его «клиповое сознание» мозаично, текуче, ориентировано на релятивизм и краткосрочные процессы и конъюнктуры. Огрубляя, можно сказать, что мы наблюдаем своеобразный правополушарный реванш: логоцентризм с присущим ему доминированием левополушарных когнитивных техник отступает и утрачивает доминирующие позиции. Зато усиливается древнее по своим основаниям правополушарное мышление: синкретическое, образное, гештальтное, ориентированное на эмоционально-конкретное переживание реальности. Правда, в отличие от древнего сознания, здесь переживаются не столько сами вещи, сколько их виртуальные образы — динамичные, эклектически сочетающие в себе и миметический образ, и письменный знак, и иконический символ.

Жёсткий иерархический и структурный порядок логоцентрического сознания предполагает подчинение действительности Должному. Отсюда — разочаривание концепта будущего, стратегическое планирование. Способность к абстрактному понятийному мышлению позволяет логоцентрику мыслить глобально, подниматься мыслью до метафизических высот, снижая при этом ценность живого эмпирического опыта. У человека новой естественности всё наоборот. Эмпирический опыт — текучий, спонтанный, неуправляемый — господствует в ризоматическом сознании «компьютерного человека». Дух метафизики ему глубоко чужд и непонятен, как непонятны и любого рода понятийные спекуляции. Такому сознанию даже невыносимо трудно более минуты концентрировать на чем-либо своё внимание. Такое сознание переживает сопричастность не к вещам, а к самому процессу скольжения между ними. Поэтому для него нет

ничего более важного и увлекательного, чем «здесь, теперь и так».

Логоцентрический принцип отношения к миру выражается в бесконечной прогрессии сопричастностей к отдельным феноменам или, если верить Бодрийяру, репрезентирующим их знакам с последующим болезненным от них отчуждением. Последовательное и неуклонное движение по этому пути приводит сознание к окончательному крушению ценностей, «похоронам Бога» и обесмысливанию существования. Из этого тупика постлогоцентрический человек обрел выход через сопричастность не к смыслу как таковому, а к самому акту постоянного движения между смыслами или значениями. Установка сознания **я-значение** сменилась установкой **я-медиатор**. Движение, дрейф, номадическое путешествие по смысловым структурам и, шире, культурным системам понимается как стратегия, не грозящая отчуждением. Здесь поток сознания органично вливается в процесс бесконечно текущей медиации, где ничто дискретное не принимается в качестве безусловной ценности и не природняется (не партиципируется). В самом деле, если убежать из культуры нельзя, то остается сосредоточиться на самом процессе бега, идеальным воплощением которого является дрейф в пространстве сети.

Бег по сетевым горизонтам интереснее, ибо он, в отличие от цепочек вертикального восхождения к высшим сущностям, бесконечен.

В этом принципиальное отличие современной ситуации от всех предшествующих многочисленных «революционных сломов», когда в рамках логоцентрической стратегии на смену одним иерархическим и ценностным системам

приходили другие. Не следует в то же время забывать, что необходимым условием для осуществления этой горизонтально текущей **я-медиационной** парадигмы является предельная измельчённость культурного материала, которая всегда достигает возможных пределов в закатные эпохи. Только в этом новообразованном культурном синкрезисе с его «однородной плотностью» возможно легкое

медиационное плавание и маневрирование. Здесь ни на что не наталкивающееся сознание может себе позволить ничего не принимать всерьёз. Такое состояние, однако, не может длиться не только вечно, но даже и относительно долго.

Для человека новой естественности цепочка смысловых иерархий, на которой основывалось логоцентрическое представление о мире с его трансцендентными абсолютами, обрывается в самом начале, толком и не начавшись. Сознание воспринимает феномены чисто информационно, автоматически раскладывая его свойства в семиотическом поле координат, задаваемых системой культурного опыта. Здесь нет партиципации (природнения) к объекту, служившей вечным двигателем установления глубинной связи между субъектом и объектом. Это царство механизмов сведения неизвестного к известному, царство знания без понимания, освоения без переживания, апперцепции без сопричастности. Такого в истории культуры ещё не было. Важно подчеркнуть, что новая естественность — это не буквальный возврат сознания к своему прошлому. Так вообще не бывает. Речь идёт о

формировании типологического аналога доосевого правополушарного мышления, но, разумеется, с включением всего ментального опыта логоцентрической эпохи.

Изживание логоцентрической культурной парадигмы с её монотеизмом, презумпцией Должного, диктатом «законодательного разума» (по З. Бауману) и всем спектром установок — от социцентризма до либеральной демократии — является, пожалуй, самым глобальным и фундаментальным процессом нашей переходной эпохи. И не экранная революция является причиной этого процесса, а наоборот — она сама выступает одной из наиболее ярких форм выражения последнего. **Это — четвёртый тезис.**

Подчёркивая завершение глобально-го витка цивилизации, иногда говорят о наступлении «новой первобытности» — возвращении к архаике на новом историческом витке. Чаще всего в этой связи, помимо перечисления социально-экономических, политических и экологических факторов кризиса современной постиндустриальной цивилизации, говорят о магическом ренессансе, неомифологизме, подъёме мистицизма и иррационализма, о новых, а точнее, очень старых формах религиозности. В связи с этим любопытно отметить сходство виртуального мышления «компьютерного человека» с архаической ментальностью. И в архаическом, и в «компьютерном» сознании выстраивание смысловых элементов осуществляется преимущественно по принципу присоединительной, а не структурной связи. И здесь, и там сознание пробирается между элементами реальности, двигаясь маршрутно, от точки к точке, от пункта к пункту прихотливыми зигзагами, вырисовывая спонтанную, сложную, слабо структурированную кривую, изгибы которой диктуются природой самих вещей. Разница, разумеется, в том, что для архаика в роли вещи выступают они сами в их непосредственности, а для интернет-сознания вещь репрезентирована «пучком» значений и в нём растворена. Но характер смыслообразования во многом совпадает. Режим мышления, связанный с дисбалансом структурных отношений, своеобразно архаизует смысловую связь внутри текста. А такие особенности, как отказ от «центрирующей

мифологемы», фрагментарность, слабая структурированность и открытость системных образований со слабо выраженными «пучками различий», вполне подходят для описания архаического мышления. Подобная парадигма мышления, парадоксальным образом связывающая мышление архаика и интернет-сознание, предполагает предварительное знание как о мире вообще, так и об интерпретируемом феномене в частности. Древнее мышление было встроено во всеобщий информационный поток, который обнаруживает себя вспышками интуитивного и безошибочного узнавания природы вещей и феноменов. Для интернет-сознания также сильно возрастает роль интуиции, связанной, что примечательно, с функциями правого полушария мозга. Когда наблюдаешь за 2–3-летними малышами, с поразительной быстротой осваивающими компьютер, кажется, что в сознании современного человека происходит какой-то сброс, очищение, избавление от ментального балласта логоцентрической эпохи, включая и саму письменную культуру. Нашупывая на клавиатуре и пульте кратчайший путь «назад, к вещам», торжествующая правополушарная интуиция отбрасывает широкий спектр письменных и даже языковых дискурсов. И это в высшей степени закономерно.

Аналогия с древним сознанием распространяется также и на аспекты целостности и иерархичности в представлениях о реальности. Для архаика мир как целое ещё не осознан в рефлексии, для интернет-сознания он уже не це-

лостен и дезинтегрирован на слабо связанные меж собой секторы. В сознании архаика иерархические цепи ещё не выстроились, хотя и действуют на слабо осознанном уровне в практической жизни. Для интернет-сознания всякие иерархии если и существуют, то как заведомо условные, изменчивые и, следовательно, необязательные и несущественные.

Итак, новая естественность — это качество культурного сознания, которое идёт на смену логоцентрическому. Ментальность и культурные ориентации людей Цифры, сменяющих людей Слова, отмечены всеохватным релятивизмом, в том числе и моральным, ситуативностью, прагматизмом, распылённостью смыслов и условностью любых ценностей, включая подчас даже и ценность самой жизни. Глобальная сеть — их стихия. Помимо хорошо известных свойств интернета, следует отметить и то, что он впервые обозначил дискурс Сущего. *Это — пятый важнейший тезис.* В логоцентрической системе дискурс Должного не просто господствовал, он был единственным. Сущее в своей неистинности, неподлинности, онтологической ущербности собственного дискурса не имело. Сущее существовало как допустимая данность лишь постольку, поскольку его удавалось привести в соответствие с Должным или полярно ему противопоставить. Всё то, что не обретало онтологию в Должном, вытеснялось на периферию культурного сознания. С эпохи Нового времени дискурс Должного всё более разбавляется и размывается Сущим. Но только в интернете Сущее в полной мере обрело право голоса. Человеческая спонтанность, стихийность самопроявлений со всей своей ненормативностью и «неправильностью» впервые вышла за кордон культурных регуляций. Не удивительно, что слабеющий логоцентризм из последних сил стремится удержать стихию Сущего в рамках дискурсивных правил отступающего Должного. Отсюда неустанные попытки тем или иным образом навязать и интернету цензуру и бюрократическое регулирование. Причины этого стремления гораздо глубже любых конкретных политико-идеологических мотивов.

Итак, если попытаться сформулировать саму суть феномена интернета

с культурологической позиции, то можно сказать следующее. Преодоление травматического отпадения человеческой экзистенции от потока универсальной психоэнергетической связи стало бессознательной установкой культурного сознания на протяжении всей его истории. Начиная с осевого времени, когда уровень и формы отпадения достигли новых рубежей, в культуре доктринально оформилось стремление припасть к Единому — путём опрошения и архаизации ментальных форм восстановить утраченные связи с универсумом. Однако в культуре никому никогда не удавалось что-то возродить: синкретические

связи никогда не восстанавливаются в первоначальном виде. Духовная энергия «припадания к истокам» была использована развивающимся логоцентризмом в своих собственных целях — для интеллектуального конструирования образа духовного Абсолюта, что послужило основанием утверждения религий спасения.

Диалектика учит, что противоположности сходятся. Когда образ реальности измельчился до возможного предела, наступила эпоха неосинкретизма и возникла техническая возможность сконструировать искусственный аналог всеобщей связи — интернет. Как известно, человечество ставит перед собой лишь те задачи, которые способно решить. И, добавим, решить в ответ на глубинные и часто неосознанные потребности. Возможности сегодняшнего интернета соответствуют лишь началу новой неосинкретической эпохи, рифмующейся «через голову» эпохи логоцентризма с до-

осевым временем. Глобальная сеть — это пока ещё именно сеть, а не сплошное полевое пространство всеохватной связи. Но вектор развития явственно направлен в эту сторону, и преобразование сети в глобальное, а не только информационное поле универсальной связи вероятно в обозримом будущем.

Таким образом, *шестой ключевой и итоговый тезис* заключается в том, что интернет — не что иное, как технологический аналог универсальной психоэнергетической и информационной связи, естественные формы которой были в значительной степени разрушены в ходе культурной эволюции. Если это так, то человечество стоит на пороге не только культурной, но антропологической революции, масштаб и последствия которой сопоставимы с самым выходом человека из при родного царства. Так ли это на самом деле или здесь имеет место всегда присущий человеку хроноцентризм — стремление к преувеличению значимости текущих и актуально переживаемых событий — покажут уже ближайшие десятилетия.

С автором можно связаться:
demoped@yandex.ru

В статье выдвигаются основные тезисы, позволяющие автору объяснить феномен интернета не просто как изобретения технологической эпохи, а как системного фактора культуры, понимаемой в предельно широком смысле. Интернет — один из факторов культурно-антропологической эволюции в современные времена, меняющий ментальный тип человека.

Интернет, культура, осевое время, универсальная связь, логоцентризм, постлогоцентрический человек, новая естественность, культурное сознание, глобальная сеть
The article puts forward the main thesis that allows the author to explain the phenomenon of the Internet not just as an invention of the technological era, but as a systemic culture factor, understood in an extremely broad sense. Internet - one of the factors of cultural and anthropological evolution in modern times, changing the mental type of man

Internet, culture, axial age, universal connection, logocentrism, post-logocentric people, new naturalness, cultural consciousness, global network